

Мария
Некрасова

КОСТЫЛЬ-НОГА

Кошмарики

Мария Евгеньевна Некрасова

Костыль-нога

Серия «Жуткая сказка на ночь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178242

*Мария Некрасова. Большая книга ужасов: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33399-8*

Аннотация

Темной-темной ночью по темному-темному поселку бродит ужасная Костыль-нога. И кто на нее взглянет – становится деревянным, кто частично, а кто и целиком. Мне «повезло» – я полностью превратился в дерево. Жуть, да и только. Мальчик-полено... Ну как я теперь покажусь дома, как в школу буду ходить? Однако способ вернуться в нормальное состояние есть: надо отловить зловещий костыль и заставить его снять порчу...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мария Некрасова

Костыль-нога

Глава 1

Кошмар поселка Деревянный

Ненавижу родственников! Родственников терпеть не могу! Я не про маму с папой, а про тех двоюродных дядь, тетя и полубабушек, которые живут у черта на рогах, а о себе напоминают исключительно открытками. В открытках они пишут, что страсть как хотят тебя увидеть, хотя ни разу не видели. Они понятия не имеют, каково это – наблюдать твою физиономию! Вдруг ты им не понравишься?! Может, у тебя стеклянный глаз, или третье ухо на лбу, или нос на ладони и при этом насморк, чтобы пачкать всех при рукопожатии?! Они ж не знают! Но все равно пишут, что хотят тебя увидеть, такие уж они люди.

Терпеть не могу родственников! Нет, когда они прислали открытку не на Новый год, а в конце лета, я терпел. Когда мама решила, что пора бы им все-таки предъявить меня («Поезжай, Игорек, хоть отдохнешь по-человечески»), я терпел. Я терпел, когда шестнадцать часов трялся в поезде, где пятьдесят четыре человека и один туалет, терпел, хотя сил моих

уже не было. А когда доехал до своей станции (поселок «Деревянный»), то поблизости не оказалось ни одного куста – терпел, что было делать?! Я стерпел, что у тети Нюси (родственницы) оказался сын – Пашка, с которым я был обязан теперь дружить. Терпел, когда Пашка назвал меня москалем и предложил покорить Эверест на спор. Терпел, потому что Эверестом здесь называется крыша коровника – самого высокого здания в поселке. Терпел, когда свалился с этого Эвереста и потом целый день прождал «Скорую». Когда меня закатали в гипс и поставили на костыли, я тоже терпел. Но когда по дороге в поселок ко мне подбежал полоумный старикашка, отобрал костыль и сказал: «Для музея», – я уже не стерпел!

На одном костыле я подскочил к Пашке и прозрачно намекнул ему, что мы-москали привыкли, что Эверест – это гора, а не крыша коровника, что «Скорая» приезжает через час, а не через восемь. А еще мы привыкли, что вода в туалете спускается, а старички на улицах не отбирают у подростков костыли, пусть даже для музея.

Про костыли я намекнул особенно прозрачно, так, что Пашка с минуту катался по земле, держась за ушибленную ногу, потому что отстаивать свою точку зрения мы-москали тоже привыкли. Пашка проорался, вдоволь покатался по земле и сразу зауважал москалей. А потом все объяснил. Лучше бы он этого не делал, потому что мне в сто первый раз за последние сутки захотелось домой.

Мы уже лежали в кроватях в Пашкиной комнате, под самой крышей бревенчатого сельского дома (вот куда могут выслать горячо любимые родители!). В окошко светила луна (и ни единого фонаря!), на улице выли собаки, в общем, обстановочка располагала. Пашка сказал:

– Ты только не думай, что мы здесь все психи.

Начало было многообещающим, тем более что именно так я и думал. Впрочем, если Пашка хочет переубедить, пускай попробует.

И Пашка попробовал:

– Это был не костыль!

– А что же?

– Костыль-нога!

– Че-во?!

– Костыль-нога, страшная вещь, бич всего нашего поселка.

Я вспомнил, что костыль был старым и покоцанным и, возможно, первый хозяин, какой-нибудь древний старичок, успел переколотить им весь поселок. А что?! Таких и в Москве полно: они свято уверены, что не получают сдачи, вот и колотят своими костылями всех, кто подвернется.

– Ты не понял! – обиделся Пашка.

– А ты не объяснил.

– Объясняю. Слышал сказку про Пиноккио?

– Нет, блин! Дожил до 13 лет, да так и не прочел, времени не было! Ты бы хоть ужастик какой пересказал, все интерес-

нее!

– А ты знаешь, – продолжил Пашка, – что Пиноккио действительно существовал?

– Деревянная кукла, что ли?!

– Сам ты кукла! Много веков назад в Италии жил мальчик...

– Настоящий?

– Да. Но то ли родился уродом, то ли при жизни так повезло, что он остался без рук, ног, носа, в общем, колобок был, а не мальчик.

– Как это?

– Говорю ж, не знаю. Может, проказа, а может, под лошадь попал, не важно. Суть в том, что его отец-столяр Джапетто сделал сыну отличные деревянные протезы и выучил танцевать. Пиноккио танцевал на базаре, или как там это у них называлось, и зарабатывал на жизнь себе и уже постаревшему отцу.

– А потом?

– А потом его убил пьяный торговец бутылкой по голове или как-то еще. С тех пор Костыль-нога бродит по ночам и мстит за него.

– А почему одна нога?

– Что осталось, то и мстит. Он же почти весь был деревянный, даже нос, кажется. В земле все разложилось, а нога уцелела.

– Откуда знаешь?

– Так могилу обнаружили недавно, лет 50 назад. Мы-то с тобой не помним, а бабульки рассказывают, все газеты об этом писали.

– А вы-то здесь при чем, ты говорил – в Италии?

– Так ногу, единственную уцелевшую, поместили в музей, а музей обокрали.

– Ваши?

– Наверное. Каким дуракам еще понадобится гнилая деревяшка?! Только Костыль-нога от воров сбежала и ходит по нашему поселку – мстит.

– Поселку-то за что мстить, ведь Пиноккио убили в Италии?

– За ограбление, наверное. А может, ей все равно, лишь бы мстить. Что с нее возьмешь, деревяшка и деревяшка!

Я представил, как может мстить деревяшка, все равно кому, неизвестно за что. Может, например, настучать по башке. Невелика беда, даже для такого маленького поселка. Может залезть в печку и провонять там все дрова своей многовековой гнилью. Пинка дать тоже может, но это почти как по башке, так что не в счет. Может переработаться в бумагу и взвиться под небеса транспарантом: «Селяне – козлы». Замаскироваться под дощечку в сортире и в самый ответственный момент пинком отправить тебя в черную дыру. Все какие-то мелкие пакости, а никакая не месть. Ерунда, в общем. Лучше бы Пашка и впрямь пересказал мне ужасик.

Пашка уже посапывал в своей кровати. Да и меня выру-

бало.

– Как мстит-то? – спросил я, подавляя зевоту.

– Так и мстит. Кто взглянет на Костыль-ногу, сразу одеревенеет.

– Ври больше! Я целый час с ней проходил и ничего. И этот дядька не просто так отобрал, а для музея, где все будут пялиться.

– Так то днем, – не сдавался Пашка. – Она мстит только по ночам, и то...

– Что?

– Что-что, тебе охота смотреть на эту гадость? Костыль, грязный и с волосами, суперэстетичное зрелище, люди любуются часами, если больше делать нечего! Нет, парень, на нее можно взглянуть только случайно, и опасно это только ночью. А ночью темно, кошку-то под ногами на слух определяешь, а Костыль-ногу в жисть не разглядишь, пока сама не придет и под нос не сунется.

И тут я услышал стук.

Глава 2

Рядовой армии Урфина Джюса

Эх, глаза мои, глаза! Где вы были, когда надо было прятаться под диван и сидеть там, тихо зажмурившись! Где вы были, спрашиваю, когда надо было садиться в поезд и мчаться домой! Черт с вами, я бы вас догнал, мне бы еще скидку на билет дали, как незрячему! Нет, вам надо было непременно вылупиться на эту долбаную дверь (а долбили в нее так, что стены тряслись!) и, не дожив до четырнадцати лет, встретиться с Костыль-ногой!

Хлипкий крючок, на котором эта дверь держалась, отлетел с ударом прямо Пашке в лоб. Повезло ему! Он зажмурился, схватился за ушибленное место и все пропустил. А я лежал и таращился на то, как летит выбитая дверь, как в комнату входит Костыль (действительно с волосами, как это я сразу не разглядел!), как протопывает мимо Пашкиной кровати (ему хоть бы хны, Пашка занят своей шишкой), как подходит ко мне и: «Хлоп!» по башке. Как утопывает прочь вниз по лестнице.

– Видал? – спросил Пашка. Сам он, кажется, ничего не видал.

Я сказал:

– Ага. – И испугался собственного голоса. Скрипучий та-

кой был голосок, как у старухи или несмазанной дверной петли. Деревянный, в общем, был голос.

Я глянул на себя: опаньки! Лица без зеркала не разглядишь, но все остальное смахивало на иллюстрацию к книжке про Урфина Джюса и его деревянных солдатиков. Я, понятно, был солдатом. Деревянные руки, деревянное туловище, ноги тоже деревянные, причем сломанная перевязана не гипсовыми бинтами, а бельевой веревкой примотана к длинной березовой палке.

Пашка сказал:

– А у меня только одна нога, – и откинул одеяло. Нога действительно была только одна, а вместо второй – деревяшка. Остальное же его тело – руки, грудь, голова – все было нормальным человеческим. Ведь он почти не смотрел на Костыль-ногу, вот ему и досталось меньше.

Я спросил:

– Лицо такое же?

– Угу, и голова, – безжалостно ответил Пашка и добавил:
– В школе задразнят.

– Сам такой! – сказал я на всякий случай и спросил: – Делать-то что теперь? Колись. Ты парень опытный, не в первый раз в поселке такой случай.

И Пашка выдал:

– Не поверишь – первый. Такого, как у тебя, чтобы целиком человек деревенел, еще не было. А рука или нога здесь почти у каждого.

Я вспомнил местных жителей. Не так уж много я их видел: тетю Нюсю, пару ее соседок да десяток прохожих. Почти все ходили в брюках и с тросточками. Я думал, у них мода такая, а вот и нет.

– Что делать-то, что делать?!

– Не знаю, – беззаботно ответил Пашка и неожиданно добавил:

– Оставайся. В Москве точно задразнят, а здесь за своего сойдешь.

Ну вот и приехали.

Глава 3

Репер в красной шапочке

«Главное – я жив!» – это было первое, что я подумал, распахнув деревянные веки (да, я даже сумел поспать!). Жив, здоров, упитан и питателен. По крайней мере, так считал дятел, который непонятно как влетел в комнату и теперь долбил меня клювом по голове. Больно не было, но голова трещала.

– Кыш!

Но дятел и не думал улетать. Он привык, что деревья не разговаривают и машут не руками, а ветками, что гораздо безопаснее. И вообще, он привык долбить деревья, а не бояться их.

– Тук! Тук! Тук!

– Отвали, сказал!

– С какой стати?! – ответил дятел. – В тебе полно вкусных жуков, выдолблю и улечу. Или тебе нравится лежать зашивленным?

Я даже не удивился: подумаешь, дятел разговаривает! Ну хамит, ну наглеет – тем более ничего удивительного. Правильное поведение для существа с птичьими мозгами и в красной шапочке. Репер чокнутый!

– Отвали! Жуки мне не мешают, а ты уже задолбал!

– Это моя работа! – гордо ответил дятел и стал долбить с удвоенной силой.

Я взял санитара леса за хвост (дятел, наверное, здорово удивился! Не каждый день деревья балуют его таким вниманием!) и сунул в наволочку. Потом встал, нашел Пашкин магнитофон, поставил его рядом с подушкой и врубил на полную: «Тунц-тунц! Тунц-тунц!» – пускай птичка развлекается.

Я спустился на кухню. Пашка уже встал и хлопотал у электроплитки.

– Теть-Нюся где?

– На работе же. Я ей уже все рассказал, так что не думай, не испугается.

– Спасибо, утешил.

– Да ладно тебе! Оставайся, а то засмеют тебя в Москве! А в нашу школу всех берут, потому что не ходит никто. Вырастешь – работать пойдешь в город, спасателем на лодочную станцию. Там наши поселковые нарасхват!

– Потому что руки-ноги деревянные?

– Ага. Сам не потонешь, другим не дашь, а тебе за это еще и платить будут, – Пашка постучал по деревянной ноге. – А хочешь – прямо сейчас пойдём, они школьников берут на лето.

Я сказал:

– Пойдем, – надо же было чем-то себя занять? А еще я подумал, что Пашка, наверное, законченный оптимист или

просто дурак. Не успел я его достаточно хорошо узнать, чтобы сделать правильный вывод.

Пашка кивнул и шмякнул предо мной тарелку с яичницей. Перед собой тоже и стал наворачивать, как будто не обзавелся вчера деревянной ногой. Во нервы!

К нам подскочил Пашкин щенок (забыл, как его зовут) и положил передние лапки на ножку стола:

– Делитесь, дуболомы!

Пашка сказал: «Отвали!», а я сказал: «Сам дуболом!» – и отдал свою тарелку щенку, потому что есть не хотелось. Щенок в благодарность задрал на меня ногу. Теплая струя ударила по деревянным щиколоткам: кайф! Вот чего я хотел, а не эту дурацкую яичницу!

– Позавтракал? – по-деловому спросил щенок (я уже привык, что животные разговаривают).

– Угу... – кайф был непередаваемый.

– Тогда и я поем, – и он стал уплетать мою яичницу.

Я сидел и впитывал пересохшими ногами то, чем покормил меня щенок. Кайф-то кайф, но неужели я теперь всегда буду так завтракать?! А если собаки рядом не окажется? Или окажется, но не захочет меня кормить?! Я видел, чтобы собаки бегали в поисках деревьев, но ни разу – чтобы дерево бегало за собакой и вопило: «Пописай на меня!» Кошмар! Бедные деревья! Я хотя бы ходить могу, а они всю жизнь стоят и ждут. Нет уж! Должен быть хоть какой способ сделать меня прежним! (Да и вернуть руки-ноги селянам не поме-

шало бы, пусть даже это испортит им карьеру спасателей.)

– Паш! Неужели никак не избавиться от этой Костыль-ноги? И руки-ноги не вернуть?!

Пашка перестал жевать и поднял на меня глаза:

– Избавиться можно. Вернуть – не знаю...

– А чего же вы до сих пор...

– Чтобы избавиться от Костыль-ноги, – продолжал Пашка, – нужно ее поймать и сделать из нее Самую Лучшую Деревяшку На Свете.

– Это как?

– Понятия не имею. Хотя лично мне хватает первого пункта, чтобы отказаться от затеи. Прикинь: ты ее ловишь, берешь нож или топор и долго, несколько часов выстругиваешь из нее Нечто. Неважно что. Суть как раз в другом – ты никогда не доведешь работу до конца, потому что сам деревом станешь. Ты вот видел эту Ногу всего пару минут – и смотри, во что превратился. А если час паялиться? Станешь настоящей недвижимой деревяшкой – памятником самому себе. И конечно, работу не закончишь.

– А если днем?

– Попробуй! У нас есть хороший столяр – и тот не берется. За день много не настолярничаешь, обязательно что-нибудь назавтра останется. Ведь с первого раза не угадаешь, что это за Лучшая Деревяшка.

Я растерялся. Селяне с этой Ногой уже не первый год живут, знают, что к чему. А я тут приехал их учить – выскочка

МОСКОВСКИЙ.

– Ну хоть догадались, что это такое должно быть?

– Не-а... Дядя Ваня хотел ее пустить на дрова – типа согреет в холод, и все такое... Так у него теперь обе руки деревянные. А Коля-борода решил, что нет ничего полезнее двери сортира, так у него теперь деревянная...

– Что?

– Не знаю, не видел, а просить показать неудобно.

М-да. Я встал и пошел наверх, собираться на лодочную станцию, а сам думал, что ж за деревяшка такая – самая лучшая на свете? Не скамеечка какая-нибудь и даже не дрова (хотя про дрова я сам бы подумал в первую очередь). И по прямому назначению я ее тоже использовал – без толку, хотя для иных костыль и есть – Самая Лучшая На Свете Деревяшка. Уж кто-кто, а бывший хозяин Костыль-ноги должен был это знать, как никто другой! Ан нет! Похоже, у несчастного протеза просто комплекс неполноценности: и выглядит-то он преотвратно, и хозяину уже триста лет как не нужен! Вот и придумал себе Самую Лучшую На Свете Деревяшку, а хочет сам не знает чего.

На всю Пашкину комнату гремела музыка: «Тунц-тунц! Тунц-тунц!» Дятел в наволочке сидел смирно. Вот кого я сейчас порасспрашиваю о деревяшках! Я вырубил музыку, потряхнул наволочку, и дятел вывалился на кровать. Морда у него была отмороженная, отмороженнее, чем у нашего директора школы. Бусины-глазки смотрели сквозь меня, клюв

ритмично приоткрывался (кажется, дятел еще напевал про себя «Тунц-тунц»), а лапки дергались в такт.

– Проснись! – я щелкнул его пальцем. Дятел нехотя встал на лапки и стал пританцовывать, покачиваясь в такт: «Тунц-тунц, тунц-тунц!» – придурок в красной шапочке!

– Подъем! – Я щелкнул его еще раз.

– Вруби музон, не обламывай! Тунц-тунц, тунц-тунц... Вруби, сказал, че опух?! – Дятел зло зыркнул на меня, но тут же устался прямо перед собой, приплясывая под воображаемую музыку.

– Обойдешься! – в тон ему ответил я. – Скажи, какая деревяшка – самая лучшая на свете?!

Дятел на секунду остановился. В бусинках-глазках мелькнуло осмысленное выражение:

– Лучшая деревяшка – это ты, пацан! – Он подпрыгнул и клюнул меня в щеку. Потом пролетел через комнату к магнитофону и с размаху приземлился на кнопку «Плей».

– Тунц-тунц, тунц-тунц, – взыграла музыка, и дятел снова заплясал. Птичьи мозги!

Я побросал в сумку плавки-документы (понадобятся, если меня возьмут на работу) и пошел вниз, к Пашке. Тот уже ждал меня на улице:

– Мы идем?

Глава 4

Странная бабулька

В город надо было ехать, а не идти, и легче от этого не становилось. Пока мы шли по поселку, на меня косились – причем все, хотя деревяшки вместо рук и ног зрелище здесь обычное. А когда мы сели в автобус и проехали пару остановок, к нам стали подсаживаться люди из других поселков. То ли они правда были не в курсах, то ли так вредничали, но скоро на меня таращился весь автобус. Две тетki в хвосте громко обсуждали – сам Пашка сделал такую куклу (меня) или отец помог. Ясность внесла одна старушонка. Она от души треснула меня клюкой и потребовала, чтобы Пашка «не ставил дрова на сиденье», тут, дескать, людям места мало. Тогда я повернулся и объяснил ей, что я не дрова и был готов сам освободить ей сиденье, но только до того, как она огрела меня своей клюкой. Теперь же пусть едет, где хочет, я не собираюсь поощрять ее хамство.

Еще пару секунд бабулька хлопала глазами и трогала меня за нос. Я уже начал подумывать, а не высморкаться ли в ее бесцеремонные пальцы, как бабулька вдруг заголосила:

– Убивают! Дров говорящих понаделали, шоб им пусто было! – Она постучала меня кулаком по лбу и для доходчивости повторила: – Убивают!

Спорить было бесполезно, ехать дальше – невозможно. Пашка-дурак начал что-то объяснять старушонке насчет Костыль-ноги. Старуха послушала несколько секунд, а потом еще больше разошлась:

– Дразниssi?!

– Не дразнюсь, – пытался внести ясность Пашка, – а объясняю...

– Сам костяная нога! – бабка пнула Пашку по деревянной ноге, услышала деревянный звук и на секунду замерла. Потом она беззастенчиво задрала Пашке штанину и снова заголосила: – Убивают!

В обморок она не упала (а жаль, хоть помолчала бы минутку), но лицо у нее было такое, что стало ясно: домой к внукам она сегодня не поедет, будет носиться по лесу, петь «Марсельезу» или варить кашу из портянок. В общем, крышу бабке снесло, и она выдала пятиминутный монолог на тему: «В мое время дрова не грубили старшим, а скромно лежали на траве, как в скороговорке». Скороговорку она тоже пыталась произнести, но у нее не получилось. Короче, из автобуса нас высадили всех троих.

– Доигрались, шпана! – победно выдала бабулька и почапала в свою сторону, опираясь на Костыль. Я как увидел этот Костыль, так все ей простил. И Пашка тоже. Опомнился он первым и ломанул за старухой:

– Бабушка! Подождите!

– Вы далеко живете? – подключился я. – Может быть, вас

проводить?

Момент был уязвимый, и угораздило меня ляпнуть: «Может быть», уж говорил бы сразу: «Мы вас проводим!» Теперь у бабульки есть выбор, вдруг скажет «Нет», и мы не узнаем, кто она и куда потащила Костыль-ногу. Ну да, если кто не понял, бабулька опиралась на нее, как на обычный костыль, и вообще вела себя так, будто всю жизнь только и ходила, что с Костыль-ногой.

Но все вышло удачно. Бабулька, видимо, считавшая, что подростки затем и созданы, чтобы служить ей, сунула Пашке свою кошелку («Все руки оттянула!») и почапала вперед. Молча. Нет, мы не ждали, что она сразу вывалит всю подноготную о Костыль-ноге и своей роли в ее истории, но затянуть дежурную пенсионерскую беседу «ни о чем» вполне могла бы.

– Бабушка, а чего вы лесом ходите? – нашелся Пашка. – Через поле-то короче – напрямик.

– Напрямик, напрямик... – пробухтела бабулька. – Много будешь знать, скоро состарисси. И станешь, как я, – старуха гордо повернулась в профиль, чтобы Пашка как следует разглядел ее и оценил перспективу, на кого он может стать похожим. Но Пашка проигнорировал ее угрозы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.